

Любовь, которую не слышно

Дикало Игорь

Игорь Дикало

Любовь, которую не слышно

<https://litres.ru/73430458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина, в которой слышно всё.

Сергей и Марина живут в одном доме, но в разных мирах. Он — блестящий хирург, спасающий чужие сердца, но не может починить свое. Она — уставшая женщина, ищущая спасения в чужих объятиях. Их дочь Лика, глухая с рождения, стала живым барометром семьи, «слыша» ложь родителей через вибрации и жесты.

Их брак, начавшийся с найденного на помойке винилового проигрывателя, теперь держится на лезвии бритвы. Один неверный шаг — и хрупкий мир, построенный на молчаливом договоре и взаимных упреках, рухнет. Останутся лишь осколки чашки с лебедем и вибрация в пустоте.

Содержание

Пролог	4
Акт первый. «Июль. Пыль на пластинке».	9
Прелюдия первая. Импульс.	
Прелюдия вторая. Мазок света.	18
Прелюдия третья. Шум за стеной.	27
Прелюдия четвёртая. Холодный чай.	36
Прелюдия пятая. Весна в электрофоне.	45
Прелюдия шестая. Ошибка в ритме.	55
Прелюдия седьмая. Брат в дверях.	64
Прелюдия восьмая. Пыль на пластинке.	74
Акт II «Август. Резонанс». Прелюдия первая.	84
Диагноз: надежда.	
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Игорь Дикало

Любовь, которую не слышно

Пролог

- При первичном анализе на уровне таламуса и первичных рецепторных полей начинает происходить сложный анализ с привлечением, при необходимости, нейронов других областей сенсорных и ассоциативных полей, - мужской голос из телевизора звучал медитативно. - Вторичные и третичные ассоциативные зоны различных сенсорных систем...

В комнате светло. Свет солнца не оставлял ни единого тёмного пятнышка на полу. Ветер гнал листы бумаги, как перекасти-поле. Шуршание бумаги и шум машин с улицы заставляли глохнуть. Сирены скорой, пожарных и полиции сливались в единый гул, заставляли прохожих с недоумением спрашивать у себя самих «А что же там происходит?».

Много полочек на стенах, обои которых несли на себе отпечаток влияния китайской культуры. На каждой полке - множество скульптур без голов. Глиняные тела. Мужские, женские, мифологические, вроде кентавров или русалок.

Ещё множество картин на стенах. Пейзажи: несколько го-

родских, несколько деревенских. Нарисованы с душой, но брошены, как только к ним пропал интерес. Кажется, их хозяин не знал, чего хочет.

На полу, когда-то в прошлом, выложенным светлым ламинатом, лежал разноцветный ковёр. Круглый, зелёно-жёлтый, он был олицетворением совершеннейшей безвкусицы. Кто бросил его в обитель искусства? Никто уже и не помнил.

Запахи кофе, краски, морилки и пыли. Приют бездомных музыкантов и художников. Нет, в последнее время никто не появлялся, некогда.

На полу - два тела. Женское - худое, почти истощённое, в рабочем синем комбинезоне, заляпанном краской и извёсткой. В сорок лет с хвостиком ей можно было иногда тридцать, а иногда все пятьдесят. Она неумело распорядилась своим гардеробом и косметикой.

На ногах пушистые носочки с рисунком авокадо. Ногами хозяйка, наверное, гордилась. На них ни одной синей венки. То ли это было природное наследие, то ли искусная рука хирурга.

На голове у женщины - синяя бандана, завязанная на манер бандитской повязки с двойным узлом спереди. Лицо женщины уставшее, в уголках губ и глаз - морщинки. Такие обычно бывают от частого смеха или слёз.

Карие глаза с покрасневшими белками глаз смотрели внимательно на вторую пару глаз перед собой. Глаза подростка. Внимательные, цепкие. Зелёные, с рыжими крапинками,

будто у тигра.

Плечо уже затекло, но она не попыталась сдвинуться. Женщина показала рукой на свою грудь, потом на девочку. После прикоснулась пальцами к губам и снова к груди. Я тебя люблю. Девочка-подросток, четырнадцать лет, субтильная и хрупкая. Синий жилет на белую блузку, чёрная юбка, белые колготки. Девочка смотрела, читая в глазах той каждое движение мысли. Точнее, пыталась угадать. Женщина лежала без движения, прикинув правым ухом к зелёному ковру, девочка тоже слушала пол правым ухом.

Щёлкнула игла электрофона. Шум за окном медленно перерос в фон для мелодии. Аппарат заработал, подавая музыку в динамики и в устройство в коврик. Автоматически телевизор убавил громкость и теперь на экране, беззвучно шевеля губами говорил пожилой профессор в белом халате.

Девочка скосила глаза на экран. Профессор размахивал руками и выглядел комично. Но первые аккорды мелодии из электрофона заставили её снова улечься на зелёный коврик ухом.

Электрофон был таким только по названию. Бесчисленные провода модернизированного аппарата вели к зелёному коврику, передавая вибрации льющейся из динамиков рядом с ним мелодии на пол.

Из динамика полились звуки органа. Тяжёлые, отрывистые. Переходящие в аккорды. «Токката» Иоганна Себастьяна Баха наполняла студию, будто океан, обрушивающийся

штурмом на побережье. Девочка знала эти вибрации наизусть, знала исполнителя и смотрела в глаза женщины, пытаясь угадать, какую сегодня загадку та ей загадает.

Женщина улыбнулась, её глаза хитро сощурились. Будто она знала что-то, что девочка не знала. Вибрация изменилась, стало чувствовать сложнее. Будто убавили. Девочка приникла ухом к полу сильнее. Что-то знакомое. Но уже сложнее.

Частый дождик из колебаний по всему телу, нарастающий, останавливающийся, потом снова всплесками, одиночными каплями. Девочка тоже улыбнулась, показала язык. Затем взяла блокнот с ковра, написала - «Весна» Вивальди.

Женщина наморщила лоб, кивнула, как только это возможно оказалось сделать лёжа и начала подниматься. Девочка запротестовала, жестикулирующей попыталась сказать, что хочет продолжать. Тем более, следующую мелодию она тоже знала.

Но та уже отвернулась, и не увидела просьбы подростка вернуться к игре. Поднялась, потягиваясь и разминая онемевшие конечности, потом сделала танцевальное «па» под «Элизе» Бетховена. Подняла девочку, поставила на ноги, указала на губы «читай».

- Ли-ка, - медленно, по слогам произнесла женщина. - Нам по-ра до-мой.

Девочка Ли-ка вздохнула, прислушалась к ощущениям из динамика, поймала момент и из третьей позиции вышагну-

ла вперёд, разведя руки. Женщина поймала её и закутила вокруг себя. Какофония звуков на улице сменилась привычным гулом. Пластинка остановилась. Мир замер, предлагая насладиться покоем.

Ли́ка остановила женщину жестом и показала на окно. Та вечно забывала закрыть окна и студию то заливало дождём, то попадали случайно залетевшие птахи. Махнула рукой, «мол, зачем это», главное - не забыть коробку с электрофоном. Если бы она была ещё из тех советских времён, то вдвоём бы они с девочкой не справились.

Один из знакомых заменил начинку, к тому же приспособил его вывод под современные устройства. Но всё равно, коробка сама по себе была тяжёлой. Уж Ли́ка знала, много раз помогала её нести. Но всё равно, это была нужная вещь.

Женщина всегда была рядом с ней, сколько девочка себя знала. Наверное, потому что она - её мама.

Акт первый. «Июль. Пыль на пластинке».

Прелюдия первая. Импульс.

Ветер. Марина никогда до рождения дочери не задумывалась над тем, как звучит ветер. Как скрипят пружины на кровати в её рабочей студии, как капли воды в неплотно закрытом кране стучат по фаянсовой серой раковине дома.

Она начинала слышать это, пыталась уловить каждый момент. Она, но не отец Лики, Сергей Андреевич. Сейчас он слушал аппаратуру, писк приборов, сокращение сердца пациента. От этого зависела судьба другого человека.

Казалось, сосредоточься ещё сильнее и сможешь остановить мир. Сделать его неподвижным и полностью созерцаемым. Кто, как не он, сейчас властитель жизни.

На голове - устройство, на котором закреплены увеличительные стёкла. Одно, второе. Микроскоп, чьи сенсоры сейчас направлены на бьющееся и открытое сердце в груди. Пациент - мужчина тридцати лет, сейчас аппараты дышали за него и гнали кровь по сосудам.

Анестезия общего типа. Сергей иногда шутил, что сон - лучшее лекарство при операциях на сердце.

Довольно молодой парень, значит есть все шансы прожить полноценную жизнь. Артерию взяли с артерии икро-

ножной мышцы. Останется только проложить новый путь и тогда... Пальцы чувствовали паузу между биениями сердца, в голове - пустота. Бисеринки пота на лбу, в операционной - полная тишина, лишь на заднем фоне звуки фортепиано - играла композиция Равеля. Тишина тела.

Собственное дыхание звучит громко, в такт мелодии. Чтобы не сбиться, не дать руке дрогнуть. Чтобы наложить швы под микроскопом, сосредоточение должно было быть идеальным. Никаких мыслей. «Болеро» Равеля идеально ложилось на состояние остановки мира. Помощница промокнула лоб и убрала тампон.

Последний шов. Пальцы не дрогнули. Многие хирурги для того, чтобы приземлить естественное дрожание рук, прибегали к алкоголю, но Сергей использовал для этого тренировки Марины.

- Запускаем, - произнёс он негромко, маска заглушила голос.

Дальше - процесс уже отработанный. Вначале - контроль герметичности швов, затем трубки для откачки жидкости.

Затем легла проволока, стягивая грудину, начался уже отработанный многократно процесс сшивания. Послойно сходились мышцы, фасции, подкожная клетчатка.

- Пошли, - добавил он и выдохнул, когда всё закончилось.

Мир вздохнул и пошёл дальше. Ровная синусоида подтвердила, что всё закончилось хорошо и для пациента и для хирурга. Сейчас хирург становился богом, который заново

запускал человеческий мир. Звуки мелодии Равеля сменились «Токката D минор» Баха.

Дальше предстояло работать анестезиологам. Выходя из операционной, он пытался восстановить дыхание и отпустить напряжение. Наверное, это - главный враг любого хирурга.

Умылся, снял стерильный халат, маску, перчатки, слегка помассировал виски. Только сейчас понял, что мучает головная боль. Вернулся в кабинет, сел на диванчик, закрыл глаза. Чуть-чуть потерпит и выпьет спазмолитик. В дверь кабинета негромко постучали.

Сергей Андреевич открыл глаза. Терпеть не мог, когда прерывали отдых после операции. Как и на операции, так и после неё нужно было дать глазам и нервам перестать колебаться в стрессовом ритме.

Кабинет его предстал в своём обычном виде, белый стол с белым же пластиковым стулом, кушетка, два шкафа, на столе - лампа с зелёным абажуром. Бумаги, бумаги. Истории болезней, отписки для министерства здравоохранения, просто корреспонденция.

Всё рассортировано в несколько отдельных секций в пластиковом держателе. Пахло хлоркой и системой обеззараживания. Мужчина включал аппарат по графику, стараясь в этот момент прогуляться по парку и подышать воздухом.

Хирург поднялся, пытаясь унять нарастающее раздражение.

- Да, да. Войдите, - произнёс он, присаживаясь за стол.

Это было ритуалом дистанции. Когда сидишь на диване, любой человек может сесть рядом и будет прав. Тогда не разделить отношение к нему и профессиональный взгляд. А стол - явная граница для того, чтобы остановить это нарушение дистанции.

Дверь открылась медленно, и в комнате появилась медсестра. Фигуристая, рыженькая, очень симпатичная. Халат с бейджем - "Александра Милишина".

- Здравствуйте, Саша, - произнёс хирург доброжелательно и указал рукой на стул посетителя. - У пациента всё хорошо?

- Конечно, конечно, Сергей Андреич, - затараторила медсестра. - Я хотела узнать, а мы...

- Саша, не сегодня, - прервал её мягко мужчина. - Операция тяжёлая. Хотел бы отдохнуть.

- Могу вас немного размять, если хотите, - медсестра показала глазами на кушетку.

Хирург засомневался, хотел пораньше уйти домой, жена хотела вместе с детьми провести выходной. Но мучила мигрень, предательски ныла спина, и он согласился. Мог себе позволить после успешного возвращения пациента в мир живых.

...

За столом сидели трое. Женщина, девочка - подросток и молодой человек. Они собирались так раньше всё время, но в последнее время, когда Макс поступил в институт, встре-

чались реже. А уж о том, чтобы поужинать вчетвером, так и вообще речи не шло. Сергей постоянно пропадал на работе, появляясь поздно вечером, вымотанный и неразговорчивый. Почти сразу ложился спать после позднего ужина.

- Отец сегодня придёт? - спросил Максим, ковыряя спагетти с соусом из кусочков свинины и ананасов вилкой. - Он обещал, что в пятницу будет дома.

- Серёжа занят, - Марина посмотрела на часы и вздохнула. - Сегодня, наверное, снова к десяти придёт. Шунтирование.

- Аха, знаю я его шунтирование, - Макс отодвинул тарелку. - Тебе самой не надоело его покрывать?

- Максим, это твой отец, - устало проговорила женщина. - Не мне его осуждать. Он помогает и тебе и нам. Хватит.

- Я не голоден, - он отодвинул тарелку и поднялся. - Сегодня ночью в общежитии.

- Макс! - Марина поднялась, пытаясь сделать неловкую попытку и остановить сына.

Но он уже накинул куртку и слышно было только как хлопнула дверь.

Лица видела напряжение между родными. Вибрации разговора она ощущала пальцами, даже не смотря на губы матери и брата. Деревянная поверхность резонировала, отражая эмоции. Всё резонировало, главное было почувствовать.

Мама коснулась руки дочери.

- Хо-чешь по-гу-лять? - медленно произнесла она, когда Лица посмотрела на её лицо.

Потом Марина указала на девочку, на себя и добавила.

- Вме-сте про-тив всех.

Девочка улыбнулась, подняла руки на уровень груди и показала, что хочет.

Вечер оказался прохладным. Ветер. Он обтекал руку Лики, которая пыталась подставить руку, сжимала пальцы, ловя потоки воздуха в кулак, снова ловила.

Ветер приносил запах сдобных булочек, мокрого асфальта и смога. Надо же, всякую гадость тащит. Девочка смешно сморщилась, чихнула, и увидела, как мама засмеялась. Как она хорошо смеялась. Морщинки в её глазах сразу собирались в кучу, там начинали обитать маленькие "смешинки", как их называл папа.

Ли́ка переживала за родителей. Это из-за неё они ругались, не в силах найти общий язык. Видимо, ругались уже очень давно, и вот в какой-то миг пропасть разрослась настолько, что папа стал пахнуть чужими духами.

Но Ли́ка чувствовала не только это. Мама тоже стала пахнуть чужими мужскими духами. Девочка не говорила об этом никому, ни Максиму, ни подруге, с которой разговаривала лишь с помощью чата в соцсети. Дружить она ни с кем не научилась. Ей было комфортно с мамой и музыкой, которая колебалась в самодельных ковриках под электрофон.

Женщина купила мороженое в одном из продуктовых магазинов. Ли́ка всегда любила обычное белое с изюмом, Марина - пломбир с шоколадом. Долго сидели на качелях на

берегу, ветер поскрипывал в разболтанных креплениях. Потом перебрались на скамейку. Долго смотрели в угасающие сумерки и пытались разговаривать. Лица почувствовала вибрацию. Телефон.

- Здравствуй, Марина, - голос Сергея, усталый и виноватый. - Я освободился. Скоро буду дома.

- Хорошо, - женщина подняла голову и грустно улыбнулась. - Ужин в холодильнике, на столе - шарлотка. Мы с Ликой гуляем.

- Как она?

- Хорошо, - повторила женщина, качнув головой в такт мыслям. - Мы сегодня слушали электрофон.

- Снова? Зачем её учить этому? Я нашёл клинику в Швейцарии. Ещё полгода, скоро заработаю денег достаточно и сделаем операцию.

- Тридцать процентов успеха, Серёж. А если нарушите кровоснабжение? У неё уже внутри месиво. Сколько можно уже резать? Может быть, пора смириться с тем, что она не услышит никогда?

- Всегда есть шанс на успех, - упрямо ответил муж, оседлав свою любимую лошадку в разговоре. - Если не пытаться.

Марина промолчала, понимая, что всё восстановить в жизни при желании невозможно. Склеенная чашка уже никогда не сможет хранить в себе чай. Почему всё так? Когда всё пошло на разлад?

Любила ли она мужа? Любила. Несмотря на всю ложь

между ними, пыталась сохранить остатки семьи. Врала себе. Врала детям. Врала подругам и друзьям.

В глазах общества она была мученицей, потому что все всё понимали. Но в силу своей слабости и экспрессивности, она не могла признаться в том, что и сама виновата в разладе. Молодой технарь из тусовки "маргиналов", как их называл собственный муж, стал её символом греха.

Лица и старый аппарат стали инструментами манипуляции. Системой разлада, неправильного звучания. Сергей пытался наладить поломанный звук в девочке, Марина - пыталась научить ту чувствовать вибрации в мире и семье. Слушать и различать ложь, чтобы никто никогда не смог её обмануть.

Девочка почувствовала, как мама уходит далеко в мысли и попыталась обнять её. Марина почувствовала, как девочка дрожит и обняла ту, закрыв своей курткой. Запах духов, тепло тела. Лица почувствовала, будто сейчас в безопасности.

Долго шли домой, наблюдали за прохожими. Ветер снова трепал волосы девочки, ласково гладил по щеке. Через сандалии улавливалась вибрация едущей по мостовой поливальной машины. А ещё, как бьются волны в стены канала. А ещё. Много чего ещё. Каждый шаг - счастье, пока его чувствуешь.

Она вспомнила колебания мелодии на коврике и решила, что самая её любимая вибрация - "Весенний вальс" Шопена. Снова зазвонил телефон у мамы в кармане, засветился

белым, наверное, папа потерял. Какие они оба глупые.

Любят друг друга, но пытаются убедить себя в том, что любят кого-то ещё. Наверное, это закончится плохо. Лика вздохнула. Макс очень из-за этого злится. На себя, на отца и на мать. Он не говорит об этом прямо, но всегда напряжён, в глазах скрыты сожаление и гнев.

Все его друзья тоже глупые. Наряжаются в кожаные куртки, играют на набережной с такими серьёзными лицами, будто у них нет ничего на свете важнее. А у брата даже девчонки нет. Может, это потому что он проводит всё время с ней?

Дом. Дверь. Знакомый запах квартиры.

Прелюдия вторая. Мазок света.

Утро. Комната. Вибрация от проходящей тяжёлой машины. Ли-ка потянулась и запустила электрофон. В её комнате, как в маминой студии не стояли колонки. Резонировал пол, шкаф, письменный стол, на котором чуть подпрыгивали ручки. Снова Шопен.

С кухни на первом этаже уже неслись запахи омлета и кофе. Макса сегодня не будет, но папа вчера вечером появился. Ли-ка быстро оделась, почистила зубы и выскользнула на лестницу.

Мокрые капли, которые она так и не вытерла полотенцем, холодили кожу. Сегодня воскресенье. Занятий не будет, если только они снова не уедут с мамой в студию.

Подкралась, обхватила сидящего на стуле отца. Он что-то говорил, но она слышала лишь колебания голоса, отражённые в груди. Утреннее солнце светлыми красками касалось всего, до чего могло дотянуться. В его лучах иногда перебежали пушинки пыли, словно пешеходы, торопящиеся успеть пересечь переход.

Сергей Андреевич развернул дочь к себе, чтобы она видела его губы.

- Доб-рое утро, Ли-ка, - произнёс он сухо и очень чётко, но девочка уже перестала смотреть.

Он так и не хотел запомнить, что она его слышит без то-

го, чтобы смотреть. Он слишком занят для того, чтобы признаться в своём нежелании принять это.

Уже четырнадцать лет мучается, не в силах принять её глухоту. Наверное, для мужчины это сложно, принять, что твой ребёнок - несовершеннолетний. Маме легче, у них есть другая связь.

- Серёжа, нам нужно поговорить, - не оборачиваясь от плиты, сказала Марина, её плечи напряглись, пальцы сжались на ручке кофейника.

Ну вот опять. Мама попытается отцу что-то сказать. А он сбежит.

- Марина, мне надо бежать. Сама знаешь, месяц тяжёлый. Давай потом.

Он понимал, что за разговор хочет предложить жена. И она это понимала. Как будто два человека на поле боя с мечами сошлись насмерть: удар, уход, контратака, уход, блок.

Но он не контратаковал. Оторвался от мыслей и увидел конверт, который до того оставался для мужчины незамеченным. Странно, бывает вот так. Погрузишься в мысли, а перед тобой целый мир может проходить мимо.

Хирург схватил письмо за уголок, медленно подтянул к себе. Шорох письма по столу Лике показался тяжёлым, как будто тяжёлую плиту волокли по земле. Деревянное покрытие стола пыталось остановить лёгкое письмо в конверте.

Надорванный край, шелест бумаги. Тревожное тремоло скрипок, вибрация напряжения. Лика изо всех сил вцепи-

лась в стол, глядя в лицо отца. Она знала, что письма отцу приходили часто, но мама не откладывала их вот так, на видном месте, чтобы показать. Это письмо касается её... особенности.

Девочка вдруг вспомнила современного композитора, Рафаэля Крукса. «Dramatic Baroque Violin Concerto» как нельзя кстати подходило к данной ситуации.

- Это письмо из клиники, - с облегчением произнёс мужчина, откладывая бумажный листок рядом. - У них есть места.

- Об этом я и хотела поговорить, - Марина развернулась к нему, выключив комфорку с закипающим кофейником, в лице её появилось упрямое выражение. Тремоло скрипок, вибрация марша. Как пружина, готовая распрямиться.

Взгляды пересеклись, будто рапиры, готовые к парированию и уколу. Судья здесь, ради судьи они и бились. Лица жадно глотала каждый жест, каждую вибрацию.

- Будешь настаивать на том, что ей это не нужно? - сжатый кулак лежал на салфетке, лицо подалось чуть вперёд. Классическая поза для нападения.

- Да! - на лице матери упрямое выражение, губы сжаты в щёлочку, в глазах - неисчислимы искорки гнева.

- Я же для всех стараюсь! - отец ещё чуть наклонился вперёд, кулаки сжаты с силой, так, что побелели. - Конечно, лучше играть с этой машинкой и делать вид, что ей лучше! Я на работу!

Крещендо. Затишье. Несколько минут молчания, вибрация от хлопнувшей двери. Сегодня даже тише слегка. Тишина. Мама за столом обхватила голову руками. Последняя мелодия скрипки разбивается о тишину.

Всё по кругу. Женщина взяла её за руку. Пульс бился часто-часто. Сердечный ритм всегда выдаёт людей в минуты волнения. Ей же не всё равно, даже если мама пыталась показать, что она - колючая и отстранённая.

Биение пульса сейчас - маленькое тремоло. Бьётся так, чтобы перенести реакцию на события. Гнев. Много гнева. Не на Лику, не на отца, на себя. Хотела выбраться из собственного круга неприятия себя самой. Пыталась разобраться.

Лица тронула маму за руку и указала на руку, будто показывая на часы. За всеми этими моментами родители забывали, что есть и жизнь за пределами семьи.

Марина коснулась виска Лики и вопросительно посмотрела на дочь. Лица сделала кружочек из указательного и большого пальца. Голова сегодня почти не болела. Не настолько, чтобы лишиться целого дня. Девочка подняла голову, за окном прямо на подоконнике сидела маленькая птица. Крохотная. Воробей.

Его увидел Сергей Андреевич, который уже спустился на первый этаж и вышел на улицу. Железная дверь пропиликала противной мелодией, открывая доступ наружу.

Ассоциации от работы оказались несколько менее приятными. Хирургу нужно было дать несколько дней отдыха го-

лове и заняться бумагами. Вовремя поставленный диагноз и найденная патология - процентов девяносто успеха.

Он завёл свою отреставрированную «Волгу». Мотор басовито рыкнул. Пожалуй, единственное, что осталось от постсоветского производства в этой машине - кузов.

Всё остальное, от двигателя до шин - уже давно произведённое другими странами. Пришлось провести много времени в ГИБДД, добиться разрешения на рестаyling.

Шум города. Жужжание трансформатора. Звук промышленного перфоратора. Всё смешалось, сводя его с ума. Навалилась мигрень, неприятие мира, какая-то малопонятная злость, но разом отсекалась дверью с водительской стороны. Лишь негромкое гудение печки, гонявшей холодный воздух по салону заставляло нервы звучать менее напряжённо.

Письмо. Письмо. Как же убедить жену?

- Для начала, ей нужно рассказать, - зло процедил он. - Она ничего не знает. И... Я - дурак. Нужно перестать общаться с Александрой. Нужно лишь сказать ей. И... тогда... тогда я смогу...

Сергей Андреевич пообещал это самому себе, чувствуя, как силы возвращаются, как он снова становится верен себе и семье.

Закрутил ручкой радио.

- ...дии Яна Липовская. Здравствуйте, Яна.

- И я рада вас приветствовать (женщина кашлянула).

- Хочу напомнить, в эфире передача - "Семейный криз",

и я - её ведущий, Дмитрий Песковский. Сегодня наша тема - дети - манипуляторы.

- Ох уж верно. Маленькие дети совершенно не стесняются помыкать родителями.

- Боюсь, вы ещё не вырастили подростка (женщина засмеялась). Эти точно смогут свести Вас с ума.

- Ну, маленькие дети прощупывают почву для того, чтобы получить требуемое. Топают ногами, ломают что-то, слёзы, истерики. А как быть с подростками? Может, им не хватает в семье любви?

- Дмитрий, ну вы же взрослый человек. Любой из нас знает, что любовь - чувство, при котором принимаешь любимого человека таким, какой он есть. Пример. Маленькая девочка из детдома, прожившая там до восемнадцати лет, она может быть манипулятором?

- Ну...наверное да. Недостаток любви к себе будет компенсироваться за счёт других.

- Нет, эта девочка уже любит человека, который с недостатками и ничего не может ей дать. Кроме той жизни, в которой она живёт. Маму. Которая не могла справиться с её воспитанием и обучением.

- Или не хотела... - перебил ведущий.

- Или не хотела. Но это не меняет главного. Девочка будет требовать от всех, кроме своей мамы. Будет добиваться способами, которыми она научилась в интернате: от предательства, слёз, манипуляциями, шантажом до банального по-

прошайничества...

Сергей Андреевич резко вжал педаль тормоза, чувствуя тремоло пульса. Визг тормозов. Адреналин ударил в голову, заставил организм среагировать. На дорогу перед машиной выскочила девчонка, совсем мелкая, за мячом. Еле успел.

Выбрался наружу, плотной подушкой навалилась духота. Шум. Сигналы полиции вдалеке, люди, разговаривающие на улице. Шорох шин по асфальту.

Жара.

Запахи смога, выхлопы газов. Голова кружилась, будто он сейчас вот-вот упадёт в обморок. Тренировка жены, дыхание, снова, снова. Контроль. Нельзя сейчас, сегодня на работе есть два тяжёлых случая. И ему нужна свежая голова. Неужели это всё из-за письма?

Он не сможет жене ничего рассказать. А кому? Саше? Он не верил алчным женщинам, а она, несмотря на все свои прелестности, не тянула на собеседника по душам.

Вот Марина, она...она никогда бы его не предала. А он...он снова и снова совершал ошибку.

Может, поговорить с Максом? Сын в последнее время совершенно отдалился. Он, кажется, догадывался об интрижке Сергея Андреевича и ненавидел его за это. Но это же сын. Мужчина забрался в прохладное нутро «Волги» и набрал номер. Гудок, другой, но на том конце лишь тишина.

Потом хирург схватился и прохлопал несколько раз карманы. Нет. Не сейчас. Не может быть. Он оставил письмо на

столе. Ехать обратно? Пробки. Сейчас начнётся пик. Будет надеяться, что Марина не увидит.

Женщина в этот момент уже протирала стол. Они с Ликой позавтракали и теперь наставало время ехать к подруге Лики. Одну она дочь оставить не могла, но совершенно забросила и увлечения и работу. Муж зарабатывал достаточно, но если что-нибудь с ним случится или...или не дай бог он уйдёт к своей медсестре, то...

Нет, он её не бросит. Просто эта Александра была человеком подлейшим. Именно она позвонила жене Сергея Андреевича и рассказала об их «любовных отношениях». А значит, может и оставить без гроша, охмунив мужа окончательно. Нужно иметь хотя бы что-то за душой.

Но Серёжа детей не бросит. Он не такой. А сама Марина...у неё есть где жить.

Хлопнула входная дверь, заставив вначале вздрогнуть и замереть женщину на кухне. Марина почувствовала, что слёзы потекли по щекам. От чего? Может напряжения последних дней? Нужно позвонить Антону. Он умел как-то направить её плохое настроение в позитивное русло.

- Привет, мам, - это был Максим, какой-то виноватый и невыспавшийся. - Привет, сестрёнка.

Он сложил из указательного и среднего пальца «V», показав Лике. Та обрадовалась, бросилась и обняла. Пахло кожей от куртки, тяжёлым запахом «послевкусия», как его называла мама, и немного потом.

- Мам...извини...Я не хотел вчера. Ну... - он тяжело вздохнул и сел на стул.

- Денег надо что ли? - подозрительно посмотрела на него Марина.

- Да не...Отец же даёт, - Макс помялся, не решаясь поднимать на неё глаза. - Я вчера наговорил...всякого. А мы семья...Поддерживать друг друга должны.

Глупые они всё же. Все. Лица сжимала в кармане свёрнутый листок бумаги. Ей до нетерпения хотелось узнать что же за причина заставила родителей схлестнуться сегодня.

Прелюдия третья. Шум за стеной.

Макс думал, что застанет отца. Тот, судя по всему, уехал рано и снова повздорил с матерью. Сын уже даже не пытался вникать на какой почве у них конфликты. Отец поступал нехорошо. А мать его вечно покрывала, будто её устраивало такое положение вещей.

Он ни разу не задумался, откуда берутся деньги в доме. Просто принимал заботу матери и отца как должное. А себя так и вообще считал очень пробивным. Сам отучился, без троек, сам поступил в институт. Сам подрабатывал. Правда, этого не хватало ни на вещи, ни на пирушки, которые организовывали друзья.

Поэтому, не думая, он принимал деньги отца, как данность. Вроде того факта: завёл семью, обеспечивай каждого его члена. То ли его просто не научили говорить «спасибо», то ли он затаил обиду на весь мир за то, что родители вечно возились с больной сестрой. Лику он любил, но...

- ...Поддерживать друг друга должны, - закончил Максим фразу, почувствовал после вчерашней посиделки в кальянной не очень хорошо.

- Может, ты и прав, - мама достала телефон и посмотрела на часы, она хотела попасть в студию поскорее, но без Лики. Работать с дочкой не выходило, и не потому, что та её отвлекала. Просто нужно сосредоточение. Одиночество данного

момента. - Отвези Лику к Вере.

- Но, мам, - запротестовал Макс, предчувствуя потерянный день. Нет, он любил сестру. Просто... просто постоянной сиделкой становиться не хотел, особенно сейчас, когда у него начиналась своя собственная жизнь. Друзья. Девушка. Учёба и развлечения. А Лику на его попечение продолжали оставлять часто.

Лику же с любопытством смотрела на разворачивающуюся игру. Почему она воспринимала это каждый раз как сражение? Потому что люди всегда говорили о войне, с превосходством показывая себя, как лучшего генерала. Здесь она присутствовала, как некий корреспондент. Как наблюдатель. Голоса своего в семье у неё не было. Он, в принципе, не сформировался. Поэтому, приходилось наблюдать.

Да и одну её оставить никто не мог. Лику не слышала с рождения, но объяснить родителям, что на автобусе она спокойно передвигается, не могла.

До Веры бы она и сама доехала. Просто в последнее время из-за скандалов родителей или из-за жары голова кружилась, иногда по утрам тошнило и накатывала слабость.

Мама водила её к одной из своих подруг. Подруга в прошлом работала клиническим психологом. Они с Ликой встречались и пытались разговаривать, какие-то тесты проходили, просто много смеялись. Потом Лику подглядывала и читала по губам, как мама с тётёй Оксаной обсуждали сеанс.

- Марин, твоя дочка развивается нормально. Вон, вымаха-

ла в какую красавицу. Учится хорошо. Дела у неё прекрасно.

- Оксана, тогда посоветуй что-нибудь. Она меня тревожит.

- Ты со своим мужиком разберись и тогда за дочь начинай переживать. Она намного тебя стабильнее. Это тебе нужно на сеанс.

Одно и то же. Каждый раз. Вся проблема в мужчинах. Но папа, какой бы он ни был глупый, всё равно старается. А мама переживает. Кто из них прав? Оба, наверное. Лика читала в какой-то книге, что мужчины направлены на действие, а женщины - на эмоции. Первичный посыл.

- Максим, я в последнее время тебя не так часто о чём-то прошу, - воспользовалась своим работающим аргументом Марина. - Лика - твоя сестра. Мы с отцом стараемся, но у нас тоже есть работа...

Меццо форте. Последний аргумент. Надавить, чтобы получить результат. Макс действовал в пределах правил маминной игры, у него не оказалось контраргументов.

- Ладно. Только недолго, - Макс сдался, - мне нужно готовиться к сентябрю. Да и дела есть.

Марина кивнула, признавая за ним его «дела». Она не стала акцентировать внимание на запахе, на его растрёпанном виде. Лишь кивнула, давая понять, что она даёт своё разрешение.

- Пойдём, Лика, - Макс поднялся, решив ретироваться, по дороге перехватит что-нибудь съесть.

Девочка обрадовалась и хлопнула в ладоши. Она любила проводить время с братом. Наверное, с каждым из членов семьи, но с мамой она виделась всё время, а вот с Максом и отцом пересекалась реже. Звук хлопка отдался вибрацией, отразился от стен.

Ли́ка быстро переоделась, и они с Максом вышли за дверь. Девочка забыла выключить электрофон, и тяжёлая вибрация теперь сводила Марину с ума. Женщина поднялась на второй этаж. Шум за стеной, наверное, заставлял и соседей нервничать, Ли́ка не стесняясь, запустила объём вибраций на полную.

«Пещера горного короля» из произведения «Пер Гюнт» Эдварда Грига заставляла подпрыгивать даже мягкие игрушки на кровати.

- Господи, - вздохнула Марина, села на кровать, закрыла лицо руками и едва сдержалась, чтобы не заплакать. - За что мне всё это?

Минут через пять, трясущимися руками она вытащила телефон из кармана и набрала номер.

- Антоша, привет... Не занят? Давай встретимся... Да, в студии. Я буду через... через тридцать минут, нет... лучше через час. Если что... Да, да. Спасибо, милый.

Снова укол совести. Или нет? В конце концов, женщина она или нет. Муж изменяет, сын пьёт, дочь... дочь вообще никогда за комнатой не смотрит. Она нормальная. Ну и что, что глухая. Много глухих людей. И что, все такие свинтусы?

Окончательно заглушив последние порывы совести и попытку воззвать к собственной морали, Марина отбросила последние сомнения и ушла в ванную. Вода, как оглушающий водопад. Капли, падающие на кафель ванной. Кап-кап-кап. Мокрое белое полотенце на голове, завёрнутое вокруг длинных волос...

...Капля капнула Лике на нос, и она смешно сморщилась. Кажется это конденсат, от кондиционера.

- Ты как? - спросил Макс, заглядывая сестре в лицо.

За что девочка Максима любила, так это за то, что он не растягивал гласные, не дробил слова по слогам. Просто говорил с ней, как с обычной девчонкой. Родители вечно считали, что их манера тянуть слова, как резинку от подтяжек, помогает ей их услышать. Она и так слышала. Каждого из них.

Возможно, даже раньше того, как они начинали говорить. Люди не меняются, у них есть привычки, жесты, которые присутствуют каждую секунду. Читать их - одно удовольствие. Почему подруги из школы предпочитали чтению людей телефоны и просмотр кривляющихся блогеров?

Наверное, потому что им нечем было себя заполнять. У них - все органы чувств работали прекрасно. И они спокойно себе забивали их, чтобы лениться.

Может, это идёт от родителей? Или человек сам себя воспитывает? Лица сморщилась, от таких дебрей психологического анализа у неё голова болела сильнее. Тётя Оксана мно-

го ей чего рассказать успела.

Хорошо, что Вера не такая. С ней интересно. Она много всего знает, и с Ликой у неё свои секреты. Например, мальчишка, с которым она «встречается». Глупости, конечно.

Что в четырнадцать лет в этом такого? Просто, наверное, родители у неё строгие, религиозные, а мальчишка...вроде как хулиган. Его предки - работяги, дома не появлялись совсем. Чтобы хоть как-то ипотеку выплатить и пожить достойно. Поэтому и растёт на улице. Один без никого.

Честно, как в турецком сериале. Лика улыбнулась брату и показала кружок из указательного и большого пальца. Универсальный жест. Годится для всего.

- Парня ещё себе не нашла? - хохмил Макс, в его глазах искринки, маленькие морщинки, прямо как у мамы. Издевается, но по-доброму.

Лика замотала головой. Ну, наверное, хотела бы. Просто не знала, как даже знакомиться...общаться. Ей очень страшно, на самом деле. Вера, вот, не боялась. Она с мальчишками на короткой ноге. Умела глазками стрелять и вообще, такая болтушка. Порой, Лика не успевала читать.

Жарко сегодня. Девочка почувствовала головокружение. Забыла шляпку, а так - солнечный удар и всё, пишите письма мелким почерком. Она осмотрелась в поисках тени и увидела скамейку на аллее. Дёрнула брата за рукав и приблизила руку к груди ладонью вниз, а пальцами второй коснулась тыльной стороны ладони. Будто тот самый воробей сел.

- Сесть хочешь? - Макс проследил за направлением взгляда сестры и согласился. - Давай доведу, посидишь. Я себе возьму что-нибудь. Сил моих больше нет, сейчас упаду.

Ли́ка показала, что дойдёт сама, брат всё же остался и посмотрел за этим. Когда девочка села на скамейку в тени большой липы, Макс, одновременно несчастный и одухотворённый, скрылся в дверях продуктового магазинчика. Кондиционер. Холодильник. Продавец. Миг блаженства.

Жадно пил, почти наполовину осушив литровую бутылку с газировкой. Взял ещё одну для себя и воду без газа для Лики. Она не любила, а он не настаивал на своих вкусах. И так хватало родственников, которые указывали, что ей делать, что делать не надо, и далее и далее.

Шум за стеной магазинчика будто смазался, слышалось только гудение старого кондиционера над входом и бормотание маленького телевизора у продавца. Будто вся жара осталась снаружи.

А в этом маленьком, утопленном в здании торговом киоске, в котором лишь несколько полок с алкоголем, водой и сухпродуктами царил настоящий холод. Пара холодильников, всё за решётками. Продавец - подпитая тётушка неопределённого возраста. Ей могло быть и тридцать смело и шестьдесят. Как она смогла дойти до такого? Или обстоятельства сильнее оказались? Молодой человек не знал. Да и некогда думать было, сестра там на улице одна.

Макс расплатился картой и вышел, чувствуя, что плохое

самочувствие на жаре наваливается снова. Лица сидела на скамейке и пыталась рассматривать людей, проходящих мимо. Вертела головой на все сто восемьдесят градусов. Дурацкая привычка познать непознанное.

Зазвонил телефон, Макс мельком взглянул на экран - Лео. Вообще, парня звали Виктор, Витёк по-простому, но вот за его страсть к живописи и конструированию окрестили Леонардо. Или по простому «Лео».

- Алло.

- И тебе не в западло. Здравова, Макс. Чё творишь?

- Я... - тот замялся, предчувствуя, что его хотят куда-то позвать. - С сестрой гуляю.

- А-а-а, - чуть многозначительно и с издёвкой добавил Витя. - Ты, типа, выходная нянька без выходного пособия.

- Слышь...

- Да я шучу, не буксуй. В общем, ты до сколько с ней застрял?

- На весь день, по ходу.

- А-а-а, слушай. Ты мне для фона нужен. А если ещё и с сестрой, так и вообще будет круто. Типа, брат ухаживает за больной сестрой, у тебя там все шансы .

- Ты там ничего не перепутал?

- Да не, - Лео хихикнул, что-то загрохотало, видимо, его самодельная станция. - Ко мне Лизка и Полька должны прийти. Ну, Ленку помнишь?

Как не помнить. Он пытался весь вечер за ней хвостом

ходить. Она к нему никак, лишь глазками постреливала изредка. А сегодня к Витьку они вдвоём придут. Лиза, та с Лео мутила, а Полина была её подругой. Не разлей вода, на самом деле.

- Слушай, Лика, - он присел на корточки перед сестрой, ловя её глаза. - Есть желание сходить на тусняк к Виктору? После Веры, конечно.

Девочка не сомневалась ни минуты.

Прелюдия четвёртая.

Холодный чай.

Марина без всяких сомнений согласилась на предложение Антона посетить их обычную художественную тусовку, вместо того чтобы париться в жаркой студии вдвоём. Правда, ей хотелось побыть вдвоём, но... может, он и прав.

Тем более, что она уже во всеоружии: причёска, макияж, даже подобие маникюра, насколько хватило времени перед зеркалом. Вообще, за полчаса собраться - это только опытные женщины умели, при условии, что весь остальной ритуал в порядке. Мужикам проще. Надел рубашку и штаны, которые жена выгладила, помылся и всё - красавец.

А женщинам изначально нелегко. Потомство вынашивать, очаг беречь, стирка, готовка, уборка, уроки. Всех выслушай, всех приголубь. И ведь никто не ценил. Ни это самое потомство, ни эти самые, точнее самый, мужчина. Иногда хотелось и придушить. Пока любила всех. А сейчас любит?

Так! Стоп! Никто ей сегодня не испортит настроение. Даже она сама. Муж придёт поздно «с работы». Макс и Лика тоже. Дочка у Веры обычно задерживалась. Иногда даже с ночевой. Уроки у Лики завтра номинальные. Скорее для того, чтобы занять время и не давать никому заниматься ерундой.

Даже если пропустит эту электронно-дистанционную англоязычную лекцию, то не страшно. Лето же. Каникулы. Пусть лучше побудет ночку там. Макс позвонит ей, если что. Или сама по видео расскажет. Порядок есть порядок, даже если мама очень добрая по жизни.

Вообще, блажь у Лики с иностранными языками. Нет, это, конечно, хорошо, что она учится и учиться любит. Но как она будет изъясняться? На пальцах или жестами? Вот французский, например. Там же вся соль в произношении. В этой элегантной картавости.

Впрочем, она сама подсунула это дочери. И английский, и занятия с электрофоном. Ведь пыталась помочь, а сейчас вроде как и осуждала.

Марина посмотрела на себя в зеркало. В нём отразилась совершенно чужая женщина. Вроде всё и хорошо, но усталость в глазах. Что она делает? Вот что? Чувство вины и стыда накатило. Она снова чуть не заревела, но вовремя вспомнила про макияж и взяла себя в руки.

Потом, уже без всякого энтузиазма влезла в лёгкую накидку на летнее платье с бретельками и открытой спиной. Туфли, вот уж, изобретение инквизиторов двадцать первого века и вышла за дверь. Она прибралась на кухне, но забыла о чашке с чаем. Маленькая фарфоровая чашечка с белым лебедем и крепко заваренным каркаде понемногу остывала...

Сергей Андреевич взял чашку с белым лебедем на боку и сделал глоток. Пока был на обходе своих пациентов, чай

совсем остыл. Он любил заваривать покрепче, старая привычка ещё со студенческих времён. Когда чай остывал, на поверхности обычно появлялась маслянистая плёнка.

Но иногда он вспоминал, как в общежитии заваривали чайник раз по десять. Денег обычно не хватало, заработки шли на еду и оплату комнаты. Днём учёба, вечером - подработка на вагонах, ночью дежурство на стройке. Как выжил, как не заработал грыжу и болячки? А главное - как сохранил руки в целости?

Тогда он с Мариной и познакомился. Она училась в пединституте, он - в медицинском. Познакомились, шутка ли, на помойке. Она, вся такая модная и расфуфыренная, тащила из мусорного контейнера тяжёлую коричневую коробку. Ну, Сергей, как истинный рыцарь, помог ей вытащить этот хлам, донести до съёмной квартиры. Пахло от него, наверное, отвратно.

В общем, первое свидание удалось. Марина закинула их вещи в стиральную машину, без всякого стеснения предложила остаться и выпить кофе.

Сергей Андреевич улыбнулся, вспоминая.

- Марина. А зачем ты эту коробку из мусорки доставала? - просто не находя себе место от любопытства спрашивал студент Сергей. - Тяжеленная, что жуть. До сих пор руки трясутся.

- Да чего там трясутся. Ты бы знал, какой раритет эти придурки выкинули, сразу бы перестал трястись... - Марина

всплеснула руками. - Это же тридцать восьмой «Корвет».

- А, что это?

- У-у-у, дремучий какой. Смотри.

Марина открыла разбитую крышку, и Сергей увидел агрегат, вид которого напомнил старые клипы с диджеями за пластинками. Студент тогда сделал вид, что это его просто поразило, а потом они провели ночь и... через три года появился Макс, а через пять - Лика. Сколько с ними вместе уже прошёл этот аппарат?

Сергей Андреевич подошёл к окну и открыл его. В комнату, в последние дни посещавшую лишь запахи духов Саши и едкий аромат обеззараживателя, ворвался свежий ветерок, несущий с собой запах листвы деревьев. Может, вся эта перфорированная и стерильная ерунда по жизни и не нужна?

В дверь постучали. Сергей Андреевич снова почувствовал раздражение. Так только Саша могла лезть, нагло и без оглядки на его чувства.

- Привет, Серёжа, - медсестра зашла внутрь и прикрыла за собой дверь. - Как сегодня со временем? Будем читать истории болезни или укреплять иммунитет?

- Никак, - ответил хирург грубо. - Не думаю, что у меня... Что нам нужно... Надо это прекратить.

- Как? Но ты же обещал... Ты хотел поговорить с женой, а сейчас... Все вы мужики одинаковые! - Александра выбежала в коридор и хлопнула дверью кабинета.

Сергей Андреевич почувствовал себя одновременно и

гадко от того, что предавал вначале одну, затем другую. В чём Саша-то виновата? В том, что он ничего решать не хочет? А кто хочет? Из семьи уходить, в которой двадцать с лишним лет строил что-то? А зачем? Ну вот зачем?

А зачем эти интрижки? Саша, ну, не одна такая Саша. Была и Регина, и Настя. Каждая себе на уме и каждая пыталась продвинуться в жизни за его счёт и счёт его связей.

Справедливо? Вполне.

Они давали Сергею Андреевичу ощущение островка безопасности от семейных проблем, а он платил. Не деньгами... влиянием, но всё же.

«Лунная соната» Бетховена. Tragico. Пот на лбу. Рассыпавшиеся от порыва ветра бумаги. Попытка спасти, но падает чашка с чаем, гремят осколки. Порез. Отчаяние. Усталость.

Сергей Андреевич достал аптечку, обработал ранку и заклеил. На сегодня надо бы закончить. Время уже пять, можно собираться домой. Наверняка, Марина обрадуется, да и Лика тоже. Может быть, Макс появится. И они, как в старые добрые времена, вместе, как настоящая семья. Это возможно? Наверное.

Кто-то из древних говорил, что семья - каждодневная работа, тяжёлая и неблагодарная. Но ценно не это, а то, что эта работа в итоге приводит к ярким вспышкам счастья. Когда начинаешь понимать детей и жену и звучать сердечным ритмом с ними в унисон.

Как тот самый электрофон виниловый, из-за которого вся эта семья и возникла. Смешно подумать. Когда люди спрашивали, «а где вы с женой познакомились?», приходилось отвечать, что на выставке раритетных изделий. Ещё тогда, когда они с женой могли говорить честно друг с другом.

Хирург вспомнил про письмо. То самое, которое Сергей Андреевич получил из клиники в Швейцарии. Операция гарантировала тридцатипроцентный шанс восстановления слуха, но... Нужно по новому кругу проходить тесты, исследования, собирать полный анамнез по голове.

Цифры выходили космические, но это был шанс. Жена никогда бы на это не пошла. Муж бы смог её уговорить, но при условии, что она не увидела бы цену.

А иначе...

Проще скалу сдвинуть. Сидя здесь он всё равно ничего не сделает. Нужно шаг и ещё шаг. Как на операции. Всё по плану...

У Марины по плану ничего не выходило. Мало того что она умудрилась опоздать на тусовку на целый час, так и Антон ещё не появился. Правда, пока она болтала с Кирой о ерунде, пила шампанское из бокала, чуть-чуть отвлекалась.

В этой тёмной, пропахшей кальянным табаком и краской комнате, на стенах которой громоздились и вполне узнаваемые копии известных картин. Часть - вышла из-под руки Киры, ещё часть - современная мазня многочисленных друзей хозяйки.

Была здесь и пара пейзажей самой Марины.

Как всегда, полулежа на кожаном кресле, женщина пыталась хоть что-то проанализировать, чтобы выгнать плохие мысли.

Кира иногда оказывала услуги и не связанные с живописью, помогала расслабиться руками. Делала она это с огоньком, приводя тело в состояние полёта. Проще говоря, снимала напряжение, не делая разницы между мужчинами и женщинами.

Марина иногда думала, что подруга своими неформальными увлечениями зарабатывает достаточно. Может ей удастся в ближайшее время перебраться в более просторное и уютное жилище.

Но вольная жизнь художника заставляла следовать только прихотям. Кира никогда не жадничала и не оставляла никого в беде, чем и кормились бесчисленные барды, «маляры» и просто прихлебалы. Марина иногда задавалась вопросом. Когда той удаётся побыть с собой наедине? Может, когда заканчиваются деньги дома...

- Я дома, - Сергей Андреевич положил ключи на банкетку у порога.

Его встретила вибрация. Он не играл в игры Марины и Лики, поэтому плохо разбирался в том, какая мелодия сейчас могла звучать. Иногда мужчине хотелось разобрать эту дьявольскую машину, чтобы прервать этот бесконечный гул.

В квартире никого не оказалось. Ни жены, ни детей. Он

поморщился, прошёл на кухню, которая располагалась сразу слева от входа. Осмотрел спальню его с женой, поднялся по деревянной лестнице в комнату дочери, выключил электрофон. Спустился. На столе на кухне - пустая чашка с остывшей красной жидкостью, письма нет. Что же. Займёт выжидательную позицию.

Сидеть дома в тишине? А для чего? Вот так, единственный раз, когда он появился дома вовремя, никого не оказалось. Внутри пульсировал огонёк: страх, перемешанный с желанием. Сергей Андреевич посидел несколько минут на стуле, в ожидании того, что кто-нибудь сейчас зайдёт, и он... он не сделает того, о чём снова будет жалеть.

Но никто не появился. Лишь отблески неоновой рекламы с улицы в тёмной квартире выписывали алгоритм красок.

Желание. Рот, наполненный слюной. Страх и жалость к себе. Тишина. Повсюду тишина. Он и забыл, что это такое. Телефон. Быстрый скролл. Набор.

Гудок, затем ещё один, затем ещё и ещё. Абонент отключил звук на телефоне, будто опасаясь, что муж может позвонить и снова устроить скандал.

Страх не ушёл. Снова появилось томление. Тишина. Рой мыслей. Скачущие краски по стене. Телефон. Быстрый скролл. Набор.

- Алло, - расстроенный голос на том конце. - Серёжа?
- Привет, - он расстегнул верхнюю пуговицу на белой рубашке. Стало душно, будто не хватало воздуха. - Я... извини.

Я зря на тебя накричал. Простишь меня?

- Конечно, котёнок, - голос потеплел. - Ты где?

- Дома. Я...мне одиноко. Хотел тебя услышать. Никого нет, и я решил...

- Правильно сделал, что позвонил, Серёжа. Хочешь, приезжай ко мне.

- Но...Я... - Сергей Андреевич, никогда не бывавший у Саши дома, растерялся. - Поздно уже, наверное, не хочется тебя обременять...

- Брось эти глупости, - в трубке послышался шум выдоха. - Я не девочка, чтобы играть в такие игры. Приезжай. Я сейчас пришлю адрес. Или могу вызвать тебе такси.

- Да, если вызовешь, буду признателен...Спасибо...Саша.

Сергей Андреевич ждал такси минут пятнадцать. Почти перед выходом он увидел чашку на столе, взял её, вылил каркаде, помыл и поставил на полку. Когда садился в такси, обернулся на окна квартиры. С тоской и сожалением.

Прелюдия пятая. Весна в электрофоне.

Вечер. Несколько подзагулявших мужичков горланили что-то на скамейке детской площадки. Марину прямо до дома довезла Кира на Мазде. В городе, видимо, что-то случилось, и на обычную тусовку никто не пришёл. Странно, но и такое бывало. Обычно халявную пирушку у Киры никто не пропускал.

Ехали по светлым улицам, из динамиков машины неся тягучий и мелодичный голос Ланы Дель Рей с песней «Love». Кажется, они даже подпевали, но невпопад. Из соседних машин на них выглядывали, водители одобрительно свистели, останавливались.

- Look at you, kids, with your vintage music, - кричали они вдвоём в открытые окна машины. - The world is yours and you can't refuse it.

Когда уже подъезжали к дому, Марина взглянула на окна. Они не горели ни на одном этаже. Захлестнула тоска, похоже, никого дома. Лица, наверное, осталась у Веры, Макс по своим делам, Сергей... Муж, похоже, или спит, или дома его нет.

Хмельное настроение требовало продолжения. Женщине хотелось петь, смеяться и плакать одновременно. Кира не

пила, потому что была за рулём, но ведь машину можно оставить и на их стоянке.

- Кира, давай мы с тобой куда-нибудь завалимся, - заявила Марина, взяв подругу за руку. - Напьемся, как в старые добрые времена, потанцуем.

- Ты уверена? - темноглазая и черноволосая Кира сейчас смотрела из темноты машины, будто призрак. Темноглазая, черноволосая, с восточными чертами лица. - Как же семья?

- Семья? Нет у меня семьи. В смысле, дома нет. Все разбежались. Не хочу домой. И звонить им не хочу. Надоели все.

- Тогда начнём, - Кира улыбнулась плотно. - Только учти, голова с утра болеть будет нещадно.

Марина открыла шлагбаум, Кира втиснула машину на стоянку, и они вдвоём выбрались на свежий воздух. Обнявшись, танцевали в ожидании такси. Обе были сейчас в ожидании отрыва и какого-то праздника. Мелодия песни «Love» для них обеих гремела сейчас сильнее динамиков в рок-кафе. А сколько тусовок ещё предстояло посетить за сегодня...

- Так это не одна тусовка будет? - Макс уже полечил голову, его состояние на вчерашний праздник легло тяжёлым грузом.

Он сидел на потёртой тахте в подвале у Лео и перебирал струны. Как и всегда - пыльно, но атмосферно. Лица, раскрыв рот от удивления и восторга, перебирала собранные коллекции Витька. Здесь было всё: от чертежей немислимых устройств до пыльных пластинок «The Rolling Stones».

Кажется, дай волю, и она бы осталась здесь жить. Лео лишь подсмеивался над этим, но в итоге разрешил пользоваться своей коллекцией виниловых пластинок. Тем более что слушать ему не на чем. Лика через брата передала, что он может заходить в любое время и слушать, потому что у неё есть электрофон.

- Вот спасибо, - хохотнул Витёк и поднял бутылку, из которой выплеснулась пена, приветствуя такое предложение.

Стук в дверь. Сердце замирает. Бьётся сильнее.

- Иду, - крикнул Лео, вставая со своего самодельного табурета.

Сердце всё сильнее. Выступивший пот. Взгляд в зеркало.

- Привет, мальчишки! - знакомый голос Елизаветы. - У нас сегодня парное свидание?

Макс покраснел, отвернулся, встретился взглядом с любопытной сестрой, показал ей язык. Лика улыбнулась и кивнула на спускающихся гостей. Лиза, в коричневой замшевой куртке, зелёной блузке и ярко-жёлтых штанах смотрелась как инопланетянка. Полина выглядела более приземлённо: синие джинсы, растянутая футболка и косуха.

- Макс, привет, - девушка Лиза помахала рукой, знали они друг друга хорошо. - А...это кто? Вить, представишь?

- Это почётный гость нашей тусовки, - шутовским жестом указал Лео на Лику. - Сестра Макса, прошу любить и жаловать.

Девочка сделала шуточный книксен, а Лиза подошла и де-

вочку обняла. Потом ритуал повторила молчаливая сегодня Полина.

- Может, по разогреву? - Лео указал на холодильник. - Готовы оторваться сегодня?

- Твоё «оторваться» всегда звучит как приговор, - хихикнула Лизавета, присаживаясь на пыльную тахту. - С тобой, наверное, по музеям техники хорошо тусить.

- Это потом. Сегодня пойдём в один закрытый полуподвальный клуб. Народу не будет, точно.

- У меня время только до двух часов, - неожиданно произнесла до той поры молчавшая Полина.

Девушка сняла кожанку и аккуратно повесила её на стул.

- Там дальше меня уже искать начнут.

- Ты же у меня ночуешь сегодня, - съязвила Лиза. - Лапшу Максу вешаешь на уши? Ну, чтобы он сильно за тобой сегодня не охотился?

Полина лишь пожалала худыми плечами. В отличии от Лизы, которая ходила с каре с зелёными и красными прядями, была полна энтузиазма и пышна телом, Полина казалась субтильной и погружённой в себя.

Светлая чёлка ниспадала на правую сторону лица и прикрывала один глаз, худое лицо было одухотворённым, как на гравюрах художников времён Ренессанса. Небольшая косичка за спиной, футболку вот вот порвут лопатки. Даже джинсы с поясом.

Нет, она не была похожа на анорексичку, просто такой ор-

ганизм, который не хотел поправляться. Точнее, сама Полина хотела бы, но организм исправно перерабатывал любую пищу в любом объёме.

- Как тебя зовут? - Полина обратилась к Лике.

Та вздохнула, достала блокнот из кармана, фломастер и вывела корявым почерком «Лиакадия, или Лика». Полина повернулась к Лизе с неммым вопросом в глазах.

- Ну... Она типа, глухонемая, - ответила Елизавета. - С рождения. Брат за ней ухаживает всё время, как сумасшедший. Ни личной жизни, сплошное самопожертвование и альтруизм. Мне бы такого брата, никаких забот бы не знала.

Лиза подмигнула Максусу, мол, «я своё дело сделала, а ты уже дальше сам эту крепость покоряй».

- Молодец, - отозвалась Полина, обернувшись к Максиму вполоборота. - Никогда бы не подумала. Скажи...

Она вдруг осеклась и задумалась, приложив указательный палец к подбородку.

- Ладно. Я хотела сказать... Забыли...

Она вдруг отвернулась и замолчала.

- Ну что, если драма не прозвучала, значит, её нет, - подытожил Лео, пытаясь рассмотреть в телефоне адрес клуба. - Давайте собираться и поехали. Точно в «Элайн»? Я хотел в «Теклос».

- Ну, в твоём «Теклосе» стулья к полу прикручены намертво, - заметила Лиза. - Что не день, то полиция с охраной возле входа стоят. Ладно, тебя с твоим занудством там

не тронут... А мы - три девки. И доходяга ещё этот с нами.

- Чего это я доходяга? - Макс даже обиделся. - У меня, может быть, чёрный пояс.

- По шахматам, - та захихикала. - Без обид, у меня просто язык без костей, все знают. Не, Вить, едем в «Элайн». Там и общество проще и тусовка симпатичнее.

- Пусть будет «Элайн», - Витя ткнул кнопку с виртуальной машинкой и заказ приняли...

- Пусть будет «Элайн», - Марина вдруг поняла, что они сменили уже третье такси. - Что-то кисло сегодня с развлечениями.

Ночь. Трепет. Ожидание чуда. Кризис мыслей.

Клуб "Элайн" с кричащей розовой вывеской встретил их шумом. На улице стояли люди, кто у курилки, кто у входа, общаясь группами. Таксист взял тысячу и довольный уехал, сразу забрав очередного пассажира.

- Козёл, - спокойно сказала Кира.

- Ты чего? - спросила Марина с удивлением, пытаясь поправить сползшую бретельку.

- Да он мне глазки всё строить пытался. А ты знаешь, как я к этому отношусь. Мужчина должен быть мужчиной, а не вот это вот всё ваше. Или наше.

- Да ладно тебе, - женщина осмотрелась. - Последнее место, и я всё. Упаду от усталости.

В холле народа оказалось ещё больше. С улицы затянуло табачным дымом, и Марине захотелось уже уйти. Мутило от

этого. Пульсирующим басом навалилась музыка, перемежаемая женскими восклицаниями.

Жара. Люди толкались. Недовольный охранник. Духота. Тяжелая музыка.

Марина выдохнула, заказала "Лонг Айленд" и села за стойку, рядом примостилась Кира, вытянув ноги. Разучилась совсем на каблуках ходить.

- Кайф, - сказала она. - Это последний. Дальше только спать. У тебя дома что, всё плохо?

- С чего ты решила?

- Я тебя уже сто лет знаю, как облупленную. Вот ты скажи, муж у тебя гуляет, ты гуляешь, для чего вы до сих пор вместе?

Действительно? Долг? Большой ребёнок? Привычка?

- Не знаю, Кир, - Марина сделала глоток и поморщилась. - Тебе вот, хорошо. Ты одна живёшь. Свободна как ветер. Ни детей, ни мужика.

- Да чего хорошего? Как оное в проруби болтаюсь. Я же была замужем, не рассказывала?

- Нет, колись давай.

Марину кто-то толкнул под плечо, она едва не выронила сумку.

- Аккуратнее, - кинула она вслед молодому парню. - Извини, Кира. Молодёжь вообще берегов не видит...

Максим проталкивался с подносом в плотной толкучке. Задел какую-то тётку у бара, не рассмотрел, так она ему что-

то вслед крикнула. Нет, только ещё сегодня с кем-нибудь на конфликт не нарваться.

Они с компанией заняли маленький столик почти в углу танцпола. Гроыхала музыка, Лиза с Лео уединились и целовались, а Полина с Ликой умудрялись вести беседу. Макс сразу почувствовал себя лишним и остановился. Поставил поднос на стол и замер, не зная, как действовать дальше

- Садись давай, - Полина с силой, которую не заподозрить было в хрупкой девчонке, усадила его рядом с собой.

Allegro. Запах духов. Жар руки. Пот на рукаве растянутой футболки. Близость. Страсть.

- У тебя классная сестра. Знает бесконечное множество анекдотов на бумаге, - сообщила ему Полина, повернувшись к нему.

Allerretto. Отбойник в груди. Запах пота и духов. Всё ближе. Мурашки по телу.

- Ты меня слышишь? - девушка помахала перед его глазами рукой.

- Д-да, кажется.

- Он просто давно и бесславно по тебе сохнет, - резюмировал Лео, оторвавшись от своей подруги. - Так, что готов сознание потерять.

- Вот это да, - протянула Полина, снова поворачиваясь к Максy. - Ты - вроде нормальный парень, давай попробуем встречаться. Только... Я не совсем нормальная.

- Наговариваешь, - Лиза многозначительно подняла па-

лец. - Давайте поднимем бокалы за...любовь!

Ли́ка подняла свой стакан с вишне́вым соком, кото́рый больше напоминал инсталля́цию безу́много худо́жника. Звон. Вибра́ция стака́нов отрази́лась в руке. Странно здесь всё.

Ли́ка сосре́доточи́лась.

Музыка́ эта, похо́жа на топот сло́на. Вот идёт сло́н, «топ, топ, топ», и джунгли подпры́гивают. Так и здесь. Того́ и гляди стака́ны попада́ют на пол.

А ещё́ она пора́довалась за брата. По́лина - классная дево́чка. Если он не бу́дет тупи́ть, как всегда́, то она для него́ - вы́сший класс.

До́мой бы́ пора. Вре́мя к двум. По́лину до́мой роди́тели жду́т, да и им то́же, наве́рное, пора́.

Она́ чу́ть дёрну́ла брата́ за рука́в, а ко́гда Ма́кс, глаза́ у ко́торого́ уже́ странно́ блести́ли, отвле́кся от По́лины, показа́ла на себя́, часы́, на лоб и сло́жила ладо́шки вме́сте, приложи́в ты́льную сторо́ну руки́ к ще́ке. Прикры́ла глаза́ и показа́ла, что́ пора́.

Обра́тно е́хали молча́. Все́ устали́, хоте́ли спати́. Первы́ми из такси́ выса́дили Ма́кса и Ли́ку, им бли́же всего́. По́лина поцелова́ла брата́ Ли́ки в ще́ку, Ли́за обня́лась с дево́чкой, Лео́ с Ма́ксом. В обще́м, таксист́ уже́ руга́ться нача́л, как до́лго они́ проща́лись.

До́ма бу́л то́лько оте́ц, матери́ видно́ не бы́ло. Он чу́ть хра́пел на пер́вом эта́же, Ли́ка с Ма́ксом каќ можно́ ти́ше забра́-

лись по лесенке наверх. Брат потрепал Лику по голове и ушёл в свою комнату, свалившись там спать, едва успев раздеться.

Девочка же включила электрофон, сразу попав на нужную дорожку, убавила вибрации до минимума, чтобы не мешать другим спать. Заиграла «Весна» Вивальди. То, что сейчас ей было необходимо. Как хорошо, что существовали такие моменты в жизни, когда хотелось жить и давать жить другим.

Прелюдия шестая.

Ошибка в ритме.

Мелодия Ланы Дель Рей звучала по кругу. Неторопливый мотив уносил Марину вдаль, заставляя погрузиться в ритм. Она поругалась с Кирой. В очередной раз. Потом помиряется. Теперь шла босиком по городу, закинув туфли на плечо.

Ночной город дышал жизнью. Попадались иногда прохожие, подгулявшие, шумные. Редкие автобусы медленно ползли по тёмной четырёхполосной дороге. Наушники не разрядились, и песня на репите заставляла идти куда-то.

Сумасшедшая. Твердил кто-то в голове. Свобода. Твердил кто-то ещё. Машины останавливались, предлагали подвезти.

Но Марина лишь отмахивалась, чувствуя себя сейчас королевой мира. Голос в наушниках говорил ей: «I get ready, I get all dressed up. To go nowhere in particular».

Когда город состоит из призраков прошлого, хотелось его покинуть как можно быстрее. Но и этому не суждено сбыться. Её, оглушённую, уставшую и счастливую - сбил с небес на землю звонок в наушниках.

- Надоели! - крикнула она в небо, но потом нажала пальцем на наушник и приняла сигнал. - Алло. Кто?

- Марина, - голос Антона, - Ты где сейчас?

О чём он? Не появился же. И остальные...

- Тебе какая разница? - чуть плаксиво ответила женщина, добрела до остановки и упала на сиденье. - Ты меня бросил.

Она заплакала, навзрыд и явно сейчас жалея себя и то, как мир с ней в последнее время обходился.

- Такая. Телефон у меня перехватили, только сейчас удалось вернуть. Кира бортанула, когда я приходил.

Кира? Марина смутно припомнила, что та выходила, когда звонили в дверь. Но пришла подруга с коробкой из-под пиццы, поэтому подумала, что приходила доставка.

- Я... - женщина осмотрелась, увидела название остановки. - На остановке. У промзоны.

- Думал, ты дома. Какая остановка?

Марина прищурилась и прочитала вслух. Буквыплыли, как будто их смывала река.

- Как тебя туда занесло. Да ещё в таком состоянии? Ты... Жди, скоро приеду.

- Жду, Антоша, - Марина уронила руку с телефоном и рыдалась. Потом подумала и засмеялась сквозь слёзы, понимая, что среди ночи, почти под утро, её потерял только молодой любовник. Она не нужна ни детям, ни мужу, ни Кире. Наушники погрузились в молчание. Чарующий голос певицы выдал ошибку ритма и замолчал.

А Марина нужна только ему...

Только ему наутро совсем плохо. Макс проснулся с такой абстиненцией, что еле выполз из комнаты. У комнаты почти сразу же столкнулся с Ликой. Та подмигнула брату и обняла,

обрадовавшись, что они сегодня дома вдвоём.

Отца дома не оказалось. Собрался и уехал спозаранку, оставив записку аккуратным почерком: «Деньги в прихожей в шкафчике. Появится мама, пусть перезвонит. »

- Что-то всё разладилось окончательно, - Макс заглянул в шкафчик, три тысячи. - Лика, мы с тобой сегодня богатые. Пойдём завтракать в кафе.

Лика скрестила пальцы, сегодня она хотела остаться дома и послушать электрофон. Но лучше питаться, когда предлагают. Иначе останешься голодным.

- Если так пойдёт дальше, ты ко мне в общагу жить пере-
едешь, - Максим достал из холодильника бутылку запотев-
шей минеральной воды.

Лика посмотрела на брата, подумала, сделала знак сердеч-
ка пальцами в воздухе, потом положила подбородок на скре-
щённые пальцы, шутливо причесалась.

- Ты чего? - не понял вначале Макс, но потом домыслил
пантомиму сестры. - Про Полину что ли?

Девочка закивала, оттопырила большой палец и мизинец
и приложила к уху.

- Позвонить ей? Сейчас?

Лика снова закивала. Потом сделала жест, будто ест.

- Позвать в кафе с нами на завтрак? - догадался Максим,
потом замялся. - Боюсь немного.

Лика скорчила сердитое выражение лица, но не выдержала,
беззвучно засмеялась и снова показала на руку, сложен-

ную в жесте телефона. Помахала ей и приложила к уху.

- Ты и мёртвого уговоришь, - проворчал брат. - Одевайся давай, я сейчас перезвоню.

Страх. Стаккато ритма сердца. Гудок. Ошибка ритма. Аллегранто.

- Алло, - меланхолический голос заставлял Макса терять последнюю волю к сопротивлению.

- П-привет, Полина.

- А, Макс. Не записала твой номер. Исправлюсь. Всё в порядке?

- Да, да. Как ты?

Лица толкнула его рукой под локоть и снова скорчила страшную рожицу.

- Я нормально. Вот, собиралась прогуляться, послушать музыку.

- Не хочешь... Точнее, мы с сестрой хотели бы тебя позвать поесть в кафе.

Молчание. Ритенуто ритма сердца. Попытка осмыслить и сбежать. Обвинение. Страх.

- Я за! - голос прозвучал чуть жизнерадостнее. - Мы же теперь вроде как встречаемся. Это будет первое нормальное... свидание. Или взрослый ланч. Когда делятся новостями и читают газеты. Где, когда?

Максим подумал, вспомнил про гриль-кафе недалеко от Полины, назвал адрес. Когда они договорили, положил трубку...

...Сергей Андреевич положил трубку, ему удалось без серьёзных проблем раздобыть нужную сумму для операции. Утро казалось ему совершенно мрачным. Работать не хотелось, но дома показываться теперь тоже.

Жена не пришла домой, оставив детей одних. Что бы это значило? На звонки его она не отвечала, телефон выключен. Сергей Андреевич, когда проснулся, хотел было обзвонить знакомых, больницы и полицейские участки. Но утром, когда выходил к машине, заметил на парковке у дома "Мазду" Киры с аэрографией на капоте. Он помнил, потому что ездил три года назад в гараж с женой и её подругой. Матвей, кажется. Так художника звали, принял заказ, долго разговаривал с Кирой, потом через несколько дней отдали эту красоту.

Значит, она ушла куда-то с этой постоянно витающей в облаках и разврате художницей. Плохо ли это? Нет, наверное. Если машина у дома, значит, ушли куда-то куролесить. Значит, у Киры останется... Хотя это тоже не очень хорошо.

Он вздохнул, поднялся, сделал несколько шагов по кабинету, размялся и набрал Максима.

- Привет, - он услышал, как на заднем фоне играет музыка. В кафе, похоже. Значит, завтрак. Хорошо.

- Привет, пап. Мы решили в кафе поесть. Не против?

- За этим деньги и оставил. Марина появлялась?

- Мы не видели. Что-то случилось? - с тревогой спросил сын.

Что там могло случиться. Кроме возможной измены и со-

вершенно наплевательского отношения к сыну и девочке - инвалиду.

- Нет, - он встряхнул головой, отгоняя навязчивые видения и дурные мысли. - Кажется, она в гостях у Киры. Ладно. Надо работать. Я тебя хотел попросить...

- Да, пап, конечно.

- Возьми пока на себя Лику. Мы с мамой... В общем, у нас обоих тяжёлый период в жизни. Не бросай сестрёнку, помоги мне пока.

- Да я и не собирался. Слушай, что значит, не бросай. Вы что, разводитесь?

- Всё, мне пора, - Сергей Андреевич нажал на красную клавишу, испытывая облегчение и стыд от своего же позорного бегства...

Марина сидела на стуле в большой кухне в коммуналке, здесь оказалось накурено, не без её участия. И обдумывала своё позорное бегство от Киры. Вдоль стен громоздились какие-то вещи, старая газовая плита потрескивала, чайник на ней закипал, начиная весело посвистывать.

Вместо мятого и грязного платья на ней как на вешалке висела теперь объёмная мужская футболка. Сбитые в кровь ноги - забинтованы. Пока она не влезет ни в туфли, ни в кроссовки. Ходить, кажется, придётся месяц в тапочках.

Потасканная, провонявшая дымом, духами Киры и запахами клуба. Разбитая, больная и теперь ещё и безногая. Хорошо покутили, ничего не скажешь.

На кухню пару раз заглядывали соседи. Женщина, с всклокоченной причёской, возраст не определить точно. Посмотрела на Марину, вздохнула и из холодильника достала и отдала страдальце банку холодного «Hainekken». Потом затопала по коридору, шаркая синими полинявшими тапками и скрылась в душевой.

Потом появился мужик. Тоже помятый, невыспавшийся. Ему, видимо на работу нужно было. Он лишь поднял руку в приветствии, тоже залез в холодильник и вскоре удалился, оставляя после себя тяжёлый запах.

- Ты в порядке? - появился Антон. Он уже с утра успел закинуть платье Марины в стирку и теперь хотел её накормить. Разносолов не держал. Но пару яиц с сосисками и хлебом сообразить смог.

- Ты меня видишь? Скажи, женщина в таком виде может быть в порядке? - Марина пододвинула к себе банку, которую местные приспособили под пепельницу. - Извини. Не хотела грубить. Спасибо, что меня забрал.

- Через полчаса Светка освободит ванную, сможешь отмыться. Гена тоже на работу, так что будем вдвоём.

- Тебе не страшно здесь жить? - спросила Марина, но потом посмотрелась в маленькое зеркальце, увидела что там, и подумала, что здесь ей самое место.

- А чего страшного? Гена если только иногда с катушек слетает. У него вообще с жизнью беда, - Антон встал к плите, достал из её недр чугунную сковородку и поставил на ком-

форку. - Воевал на Чеченской, потом, как с деньгами туго стало, в ОПГ влез. Посадили. Вышел по ходатайству раньше, сейчас где-то на стройке. Дуреет слегка, когда флягу рвёт. Светка, она тоже не от сахара здесь. Муж бросил, квартиру отжал, она на панель ушла, кое-как наскребла по знакомым на комнату. Сейчас в магазине где-то у проспекта работает. Она нормальная, даже иногда в карты перекидываемся.

- Жизнь - полное и бесповоротное дно, - заключила Марина. - Впрочем, даже в нём есть место жизни. Скажи, Антош, а я тебе зачем нужна? Ты вчера бросил всё, приехал за мной, не побоялся к себе привести, хотя все позеры у Киры обычно соблюдают долбанную таинственность.

- Да чего бояться, - даже удивился молодой человек. - Если бы было что скрывать. Я - нормальный, ты обо мне ничего такого не думай. Слушай, почему Кира меня вчера не пустила?

- Не скажу, - задумчиво ответила Марина. - Сама задаю себе тот же вопрос снова и снова.

Послышался звук отодвигаемого шпингалета у деревянной двери ванной, потом снова звук шаркающих тапочек. Света дошла до кухни, заглянула. Кивнула Антону.

- Ну чё, болезная, полегче? - осведомилась она у Марины.

- Да, спасибо вам большое.

- Ты мне не «выкай», - нахмурилась та. - Я - Света. Ты, как я слышала, Марина. Знакомы будем. Там, это...кран снова мозг полощет. Мыться будете, осторожнее, то холодная, то

кипяток. Антох, я на работу.

Она ушла, а Марина долго смотрела на дверной косяк. Несколько разбитых яиц, помидор дольками и три дешёвых сосиски шкворчали на сковороде, наполняя кухню ароматом еды. Несмотря на то, что женщину трясло сейчас отголосками вчерашнего кутежа, есть она очень хотела.

Мимолётно, она вспомнила, что Лика с Максом, наверное, голодные. Но справедливо рассудила, что еды в холодильнике должно быть с запасом и уже не маленькие, готовят. А потом с аппетитом накинулась на яичницу.

Прелюдия седьмая. Брат в дверях.

За окном капал дождь. Знойная погода на время сдала свои позиции. Завернувшись в одеяло, на который была надета белая древняя простыня, Марина меланхолично взирала на капли дождя. Они бежали по стеклу, как будто торопились собраться вместе и утопить эту древнюю квартиру вместе с её обитателями.

Антон ушёл на работу. Он работал барменом. По крайней мере, женщина видела его униформу на сушилке после стирки и так решила. Ей нужно было домой. Срочно. Сейчас.

Но она не могла. Сколько Марина уже в этом загуле? Второй день. Как она посмотрит в глаза мужу, Лике? Максу, в конце концов. Но мешало осознание того, насколько она преступила свою собственную мораль. Дело не в Свете или Геннадии, которые упали на дно. Они люди. Они сделали выбор и его придерживались.

И в каком-то моменте оставались людьми, в отличии от неё. Пили, да, вели аморальный образ, да. Но отнеслись к ней хорошо, хотя и видели, что она из другого слоя. Или нет никакого дна, есть только точка обзора?

Они же жили по таким вот квартиркам с Сергеем. Таскали с собой злосчастный «Корвет» и вообще никогда не хотели менять эту кочевую жизнь...

- Маринка, а может, нам взять кредит на квартиру? - сту-

дент сидел на старом диване, а перед ним, придвинутый почти вплотную, стоял деревянный раздвижной стол.

Девушка посмотрела на него как на дурака.

- Серый, ну ты вот что сморозишь. Возьмём кредит, будем его платить, бог с ним. Купим квартиру старую с рук или новостройку и всё, конец свободе. Придётся обустроить жизнь вокруг неё. Обои клеить, кота заводить. А ещё, не дай боже, детей. Ну глупо же.

- Ну не знаю, - студент оторвался от записей. - Кота с детства мечтал завести. Да и в обустройстве своего гнезда есть, наверное, удовольствие. А то мы только твой электрофон по вечерам заводим, и дальше квартиру меняем.

Марина показала язык и рассмеялась. А ведь и прав он был в чём-то. Но всё потом, скоро лето, пляжи...

Она поёжилась. А ведь всё могло сложиться по-другому. Может, эта коммуналка и была пределом её свободы? Может, несложившаяся жизнь во всём виновата?... Или необходимость ложиться спать всю оставшуюся жизнь в одной и той же кровати с одним и тем же человеком?

Боль. Стыд. Страх. Жажда. Запах прелости и греха. Свобода.

Марина сняла платье с сушилки, размотала стопы. А всё не так плохо. Про месяц она погорячилась. Взяла сумку, которая так и лежала на пыльном кресле.

Ключи и деньги на месте. Женщина вытащила тысячу рублей. Оставила деньги на столе, накрытом белой клеёнкой,

прижала купюру пультом. На ней ещё стоял допотопный телевизор, тоже не знавший ухода женских рук. Зашла на кухню и тоже оставила тысячу, написала на клочке бумаги «Для Светланы. С благодарностью».

Наушники работали, выдавая бодрящую мелодию «Feel It Still». Прямо в тапочках, Марина прошла через коридор, прикрыла дверь в комнату Антона, потом вышла из дверей квартиры на загаженный пролёт. Лестницы заплёваны, на потолке пятна от сожженных спичек, она лишь пожалела плечами, ткнула шпилькой туфли в кнопку вызова лифта...

...Лифт остановился с грохотом, выпуская из своего нутра двух человек. Лица с Максом, шедшие в гости к Лео домой, наблюдали, как из подъёмника вышла нетрезвая женщина. Она посмотрела мутным взглядом на парочку и вихляющей походкой пошла к двери подъезда.

- Не бойся, - Макс прижал к себе Лику. - Здесь всегда так. Маргиналов на самом деле не так много.

Последнюю часть фразы она уже не слышала, лишь вибрацию голоса, пропущенного через тело брата. Запах одеколona и пота казались уже привычными. Тёплый, родной.

- Приехали, - Макс указал на коридор, который открылся их взгляду из лифта. - Идём.

Если поначалу он стеснялся Лику водить по своим друзьям, потому что считал, что ей там не место, то теперь она вселяла в него скорее уверенность.

Вдавил квадратик звонка, трель слышно даже здесь, жуж-

жащая, противная. Дверь открыла сожительница Витька - Надежда. Как и всегда, одеваться дома она не спешила, предпочитая наедине с собой оставаться в одухотворённом состоянии.

- Привет, - медленно произнесла Надя. - Ко мне или Виктору?

- К Лео, - запнулся было Макс, не совсем понимая, что она имеет в виду.

- Облом, - девушка махнула рукой и ушла на кухню, где что-то варила. - Он со своими игрушками возится. Будет настроение, заходи ко мне.

Ли́ка дёрнула брата за рукав. Он вопросительно посмотрел. Девочка подумала, как лучше объяснить. Но ничего лучше не нашла, как показать вопрос и указать в сторону кухни.

- А... Это Надя. Она... в общем, у неё ши́за. Болезнь. Она не буйная, просто... разная. Они с Витьком познакомились, когда тот мать навещал в больнице. В общем, у неё только мама из близких была, умерла, и Надя загремела в психушку. Остальные родственники слились, квартиру продали. Некуда ей идти было, в общем, он её домой привёл.

Ли́ка показала сердце пальцами и вопросительно посмотрела.

- Не... Она ему как сестра. Будто мелкая совсем. Ещё зайдём, поговоришь с ней если захочешь.

Девочка кивнула. Надя производила непривычное впечат-

ление. Одинокая и...странная.

На белой деревянной двери слева висела табличка «Надя». На двери выведены рисунки цветов и радуга. На стенах висели инсталляции из шестерёнок, собранных в фигуру человечков. Серые обои в глубоких царапинах. Будто большая кошка занималась паркуром.

Лица помотала головой. Ну глупость же. Таких кошек не бывает.

Из комнаты чувствовались странные ритмы. Музыка играла громко, но Макс ничего не прокомментировал. Лица закрыла глаза и прислонила ладонь к стене. Мелодия незнакомая, простая. Ударных не слышно, медленный ритм. Даже голос угадывается, хриплый, грудной.

Макс заметил движение сестры.

- Луис Армстронг. Лео торчит по старым мелодиям, - пояснил он. - Идём.

В комнате вибрации стали громче. Витёк в старом комбинезоне собирал деревянную колонку, запчасти от которой в ряд выстроились на железном столе. Белый диван, обтянутый заменителем кожи, укрыт махровым покрывалом.

В деревянных шкафах со стёклами - книги по механике и фигурки человечков. На полу - несколько резиновых ковриков, сложенных в один. Сквозь пыльные окна пробивалось несколько лучиков солнца.

Ещё дверь в каморку, где Лео спал и где располагался тайник с сейфом и скрытым шкафчиком для оружия. Парень

держал под рукой нелегальную двустволку, спиленную под обрез. Макс несколько раз спрашивал, для чего.

Оказалось, что мать угодила в психоневрологический диспансер из-за мошенников. Они достали её по телефону, долго разводили на деньги, пугая тем, что посадят сына за долги и работу на преступную группировку. В первый же день приехали домой и избili.

И нет, чтобы позвонить и связаться с сыном... Нет, она брала кредиты, продала всё, что было и в конце концов слегла, когда мошенники отвязались. Инсульт, а потом болячки одна за другой.

Витёк обивал пороги правоохранительных органов, бился в суде, но везде натёкался на стену. Преступников не нашли, а он их искал. Продолжал искать и пообещал себе что каждого из тех, кого найдёт, убьёт. Это съедало его изнутри, мучило, в конце концов, он увлёкся механикой и стал созидать в ожидании развязки.

Макс пытался переубедить, но в конце концов сдался. Матери Вити уже было не помочь, она даже сына теперь не узнавала.

- Здоров, - Макс постучал по шкафу, угол которого торчал из дверного косяка.

- Видал и здоровее, - Витёк, не смотря на вошедших, махнул им на диван. - Лица, рад видеть.

Девочка помахала рукой, пока Лео не обратил на неё внимание. Усмехнулся, помахал рукой в ответ.

- У меня тут идея возникла, - сказал он загадочно, вытирая руки грязной тряпкой.

Парень снял очки с увеличением, больше похожие на стимпанковский аксессуар. Грязный серый комбинезон только добавлял сходства с героями паровых-магических историй.

- Какая? - спросил Макс, заглядывая в холодильник, взял бутылку с газировкой с полки.

Затем сел рядом с Ликой на диван и вопросительно посмотрел на друга.

- Переоденуть, сходим кое-куда. Нужно Надю прогулять. Поможешь мне за ней последить. Иногда она сливается незаметно. Станешь её бойфрендом на пару часов.

- У меня же...

- Понарошку, - отмахнулся Витёк. - Думаю, Полина не против будет. Она в курсе. Тоже придёт вместе с Лизой.

- Ты меня совсем заинтриговал.

- Переоденуть и Надю заставлю. А то она как обычно... Сегодня у неё день личности «Дзен», кажется, - усмехнулся Лео, потирая онемевшее лицо. - Или пусть Лика поможет. А то я вечно путаюсь, во что ей одеваться. Да и баба же. Может помочь, хоть и мелкая.

Макс перевёл слова Вити, девочка вначале испугалась, но потом решила, что сможет помочь. Как она поняла, Надежда не выросла ментально, взрослая личность иногда появлялась, чтобы разрулить проблемы, но быстро уходила. Сколь-

ко их там, этих личностей в голове было, даже Витёк не знал. Таблетки давал ей по расписанию, но становилось ли ей лучше?

Доктора говорили, что она «стабилизировалась». Что бы это значило только?

Она как была прибабахнутой, так и оставалась. Варила суп из воды и травы, солила, как будто проживая последние дни с матерью. Разговаривала с кем-то, застряв в одном только ей видимом мире. Улыбалась, делала вид, что смотрит телевизор, даже переключала каналы.

Только вот телевизора у Витька поначалу не было на кухне. Потом поставил, только проблему это не исправило. Она его даже не включала. Просто сидела у тёмного экрана и исправно улыбалась, пальцем переключая несуществующие передачи.

- Надя? - Витёк встал у косяка кухни и прислонился к нему плечом. Кухня, наверное, единственное место, где он сделал ремонт. И к удивлению своему, Надя участвовала. Улыбаясь, молча, но помогала и замешивать клей, и аккуратно клеить обои.

Вместе повесили несколько светильников, поменяли шкафчики. Купили электрическую плиту, заменив ею старую газовую. Лео справедливо рассудил, что лучше не рисковать и убрать самую вероятность взрыва.

- Виктор! - воскликнула она, всплеснув руками

Быстро выключила электрическую комфорку, потом взя-

ла полотенце и вытерла им руки.

- Я... Я тебя не ждала. Вот, суп пытаюсь сварить. - залепетала она.

- К тебе пришёл твой... муж. А при муже нужно одеваться, - нисколько не смутившись сказал Лео. - С сестрой. Сестра заболела. Не слышит пока ничего и не говорит.

- Бедняжка. Я не помню, что у мужа сестра. Глупая, глупая совсем стала. Ох, где мои манеры, - она шагнула к Максиму и сделала книксен. - Здравствуй, Максим. Как твои дела?

- Хорошо. Вот. Пришёл тебя навестить и сходить... с тобой в гости, - симпровизировал тот, пытаясь понять, как лучше выстраивать диалог. Чувствовал он себя на этой кухонке совсем неудобно.

- Ох, как я рада, дорогой. А это твоя сестра? - она вдруг умильно посмотрела на Лику. - Какая красавица.

- Надя, - Витёк снова привлёк её внимание, Макс заметил, что он как-то по-особенному произносил имя. - Лика, сестра твоего мужа, поможет тебе одеться. Только помни, она не слышит и не говорит.

- Ох, бедняжка. А я забыла, что у мужа сестра, - Надя взяла Лику за руку и повела в свою комнату. - Только у меня не прибрано. Я не ждала гостей.

Макс вопросительно посмотрел на сестру, та улыбнулась и сложила указательный и большой палец в кружок. Универсальный жест. Обернувшись из коридора, она увидела, как брат улыбается и провожает её взглядом из дверей кухни.

Прелюдия восьмая.

Пыль на пластинке.

Квартира встретила Марину пустотой. Прямо с порога она сбросила туфли на пол, сняла и выбросила в мусорное ведро тапочки Антона. Потом поставила чайник, заглянула в холодильник, достала хлеб, ветчину, сыр и молоко. Кажется, со времени её отсутствия никто даже не заглядывал в холодильник.

Телефон на зарядке. Чашка с лебедем. Свист чайника. Буфет с ветчиной и сыром. Анданте.

Потом приступила к своему позднему завтраку. Ела не спеша, прожёвывая каждый кусочек. Снова никого. Сергей, наверное, на работе, а Макс с Ликой. Сто процентов, забила на занятия и теперь гуляет днями.

Укол вины. Всё же это она виновата. Бросила Лику на Макса, а он и так переживает из-за их отношений. Виновата, виновата. Ему всё дали, в деньгах не стеснён, сестру любит.

Блымкнул телефон, получив сообщение. Антон. Не успела подзарядить, пусть с ним. Неудачно вышло. Не хотела с ним говорить, не сейчас. Она выудила номер мужа в памяти телефона и набрала.

- Алло, - послышался его голос.

Какой-то он спокойный. Не заметил, что её пару дней до-

ма не было?

- Привет, Серёж.

- Закончили свою тусовку с Кирой?

Ах вот оно что. Откуда он знает, интересно?

- Да, вроде того, - тихо ответила она, собираясь с мыслями.

- Пока тебя не было, понял, что мне уже неважно. Пока поживу в другом месте, - тоже тихо ответил он.

В другом месте? Знала она это место. Мог бы хотя бы раз честно признаться.

- С Сашей своей? - сказала она с укором, хотя укор предназначался скорее ей самой.

Пауза. Тихий вздох. Трагико.

- Ну, раз ты знаешь, то да. Макс и Лике деньги переводить буду на расходы. Ты тоже, пока смогу, помогу... Извини.

Короткий гудок. Горечь. Слёзы. Разбитые мечты. Память телефона. Звонок.

- Мама?! - встревоженный голос сына. - Ты где? Всё в порядке?

- Я...да. Мы с тётёй Кирой чуть увлеклись, - соврала она, - я...мне надо на неделю уехать. Выставка в ближнем... Там... В общем, присмотришь за Ликой?

- Да, но...мы тут одни останемся, отец сказал, что тоже уезжает. У вас всё хорошо?

- Да...Нет, но сейчас это неважно. Я оставлю деньги на две недели в тумбочке, хорошо? Лучше пусть запас будет. Про-

дукты дома есть, вы не всё время по кафе, ладно? А то, желудок он один. Да и... Впрочем, сам решай, ладно, Максим?..

- Ладно, мама. А ты...? - в гудке послышался обрыв связи.

Станный разговор. Макс смотрел на телефон с недоумением, потом просто убрал его в карман. Мама слишком эмоционально воспринимала всё на свете. С отцом, наверное, поругались и решили не встречаться дома.

- Всё в порядке, дорогой? - с заботой произнесла Надежда.

Выглядела она одновременно трогательно и элегантно смешно. Широкополая белая шляпа на голове, волосы собраны в неряшливую косу.

Лица как смогла, помогла. Глаза подведены, чуть размазались, бледная помада и пудра тоже наложены руками девочки. Бежевый топ и бледно-розовая юбка под белые же кроссовки смотрелись одновременно и комично, и мило. Держала она Максима под руку и шла рядом, стараясь угадывать шаг.

- Нет, нет, Надя. Родители уехали по делам, - решил Макс не

вдаваться в подробности. - Скоро вернутся. Надеюсь.

- Грустно, - она шмыгнула носом. - Когда родители уезжают, грустно. Мне обязательно нужно с ними познакомиться.

- Конечно. Только вначале пусть сделают свои дела. Как у тебя настроение, Надя?

- Прекрасное, - она очаровательно улыбнулась. - Я так давно не выбиралась за пределы своего имения, что хочет-

ся... Забыла... Хочется...

Она остановилась, прижав руку к виску. Иногда её мучили мигрени.

- Надя, - Витя взял её за руку. - Если ты устала, мы можем вернуться домой, хорошо?

- Я не устала, - ответила девушка, поморгала глазами, обернулась на Макса и снова лучезарно улыбнулась. - Это простая мигрень. Мы привыкли. Идёмте.

Идти пришлось недалеко. Рядом находилась промзона. По дороге попало им несколько офисных зданий с кричащими красными плакатами «Сдаются помещения».

- Нам туда, - Лео указал рукой на трёхэтажный серый комплекс. На его двери висело несколько вывесок: танцевальная студия «Теремок».

Чуть ниже - кабинет массажа, впрочем, работающий только «По предварительной записи». И в самом конце - звукозаписывающая студия «Молох рекордс».

- Интересно, наверное, танцевать, - Надя повела рукой, будто в танцевально «па». - Я бы хотела танцевать. Это - красиво.

- Вот разберусь чуть с деньгами, Надюш, отправлю тебя на балет, - серьёзно ответил Витька. И это вполне серьёзно прозвучало, он никогда не бросал слов на ветер. Просто шёл и делал, что мог.

- Спасибо, Виктор, - она сделала чуть заметный книксен. Но шли они не в танцевальную студию, Лео вдавил кнопку

вызова студии звукозаписи. Прозвучал ответный звонок, и дверь подалась. Магнитный замок открылся.

Поднялись на последний этаж, и вошли в белую пластиковую дверь. Там стоял такой грохот, что Надя прижала ладони к ушам.

- Эй, эй, чуть тише, - Витя подходил к сидящим музыкантам и здоровался за руку, с некоторыми обнимался. - У меня для вас есть... барабанщик.

Все замерли. Музыканты, им было лет по тридцать. Один в косухе и кожаных штанах, плотный, бритый под ноль бородатый мужик с микрофоном.

Второй - патлатый гитарист в футболке «Iron Maiden» за гитарой, третий тоже с гитарой, но другой. Непохожей на ту, что держал второй. У стены, у пультов сидели Лиза и Полина, они помахали вошедшим.

- Барабанщик? - Макс поприветствовал Полину, он прямо сейчас хотел броситься к ней и обнять, но точно знал, что роль мужа нужно доигрывать до конца, иначе у Нади снова будет срыв. - Я точно не умею.

- И я не умею, - в ужасе прикрыла рот Надя. - Вы бы предупредили, я бы научилась.

- Ну раз не вы оба, значит, третий.

- Это издёвка что ли такая? - нахмурился Макс, взглянув на Лику.

- Нет. Мне кажется, что твоя сестра - идеальный, прирождённый барабанщик, - ответил Витёк. - Ты же сам говорил,

что они с матерью отрабатывают ритмы. Руки чуть подкачать и обучить.

Лика не знала, что и делать. В груди смешался страх перед позором. Стыд и... надежда. Нет, она понимала, о чём говорят остальные. Просто. Это всё странно. Очень странно.

- Поясни, - Макс понял, что Витя не шутит.

- А чё не так с девчонкой? Лео сказал, что она бог ритма!

- вмешался патлатый с гитарой. - Пусть не умеет. Научим.

Но без ритма хз.

- Я на досуге сконструировал наушники...Аналог того устройства, который у неё дома. Если что, это я помог «Корвет» починить, если помнишь...Ну и собирал ковры тоже я.

- Да я знаю, Вить. Ты уж сто раз рассказывал, - поморщился Макс. - Что маму мою с тусовки какой-то знаешь.

- Ну да. В общем, гитары я выведу в наушники. Тем же способом, как ковёр. Она будет их слышать...Чувствовать. Там хитрая конструкция, в общем, она будет вибрацию и от барабанов...чувствовать и от гитар.

- Слышь, Витёк, а чё с девкой-то?

- Она не слышит, - ответила за Витю Полина.

- Да ты гонишь...Глухую девку за барабаны?

Минут пять спорили, рокеры считали, что Лео их держит за дураков, Витя говорил, что его устройство работает, Макс доказывал, что у неё не выйдет, Полина и Лиза просили всех успокоиться. Шум, гам, ещё бы чуть, казалось, и начнётся потасовка.

- Извините, - на Надю сперва никто не обратил внимания.

- Извините, можно я скажу.

Добавила она громче, первым её услышал Витя, замолчал, замахал руками, чтобы остальные успокоились.

- Извините, - повторила ещё раз Надя, когда стало тихо.

- Сестра моего мужа хочет что-то сказать, но я не понимаю что.

Ли́ка повернулась к брату, показала знак вопроса и сделала вид, что стучит палочками по воздуху. Потом прислонила руки к ушам, показав наушники, снова вопросительно посмотрела на него.

- Она...она говорит, что хочет попробовать, если музыканты не против.

В зале воцарилась мёртвая тишина.

- Депутат родился, - бородатый поднялся, подошёл к Лике и протянул руку. - Колян!

Ли́ка смущённо и как-то со страхом пожала ему руку.

- Не стесняйся. Попробуй, раз пришла. Давай свои наушники, Вить. Чего мы мелкую обижаем.

- Даже если она бог ритма, это не один месяц тренировок.

- А чего, мы торопимся? - бородатый подсоединил наушники к выводу. - В октябре только выступать начинаем. Всё равно никто не идёт пока. А так...Садись давай, мелочь.

Ли́ка уселась за установку, натянула наушники с резиновой дужкой. Кроме двух наушников больших, и две насадки: одна на височную кость, другая - на затылок. Встали, будто

там и росли.

- Используй вот эти два малых барабана, - сказал патлатый, почему-то стараясь говорить медленно.

Видимо, не знал, как общаться с глухонемой девочкой. Лица лишь кивнула. Витёк достал телефон, включил простой барабанный ритм и придвинул к руке. Поняла, чего хочет. Взяла барабанные палочки, ударила, ещё раз, и ещё. Она чувствовала вибрацию, намного чётче и яснее того устройства у мамы в мастерской.

Головой закивала. Потом патлатый Вадим взял гитару и начал что-то наигрывать. Это Витя попросил, чтобы проверить наушники. И понеслась задорная...

...мелодия по комнате Лики. Марина, собрав вещи, зашла в комнату дочери и включила электрофон. Первопричину их семьи. Старый и уже перебранный одним умельцем из тусовки «Корвет». Протёрла пыль на пластинке жёлтой тряпочкой, подключила колонки и стала слушать последнюю пластинку, которую включала Лица. В колонке послышался узнаваемый хриплый голос Мика Джаггера с «Anybody Seen My Baby».

Сидела и слушала тихо, сердце колотилось. Песня о потере ошеломила женщину, заставила сжаться, как пружину. Когда последние аккорды смолкли, невольное пророчество заставило Марину сделать последний шаг. Если до того она сомневалась, то теперь твёрдо решила уйти...

-... Серёжа, я решила уйти пораньше, - Саша, уставшая и

совсем обессиленная, сидела напротив него за столом. Через «барьер», как его называл Сергей Андреевич. - Поехали домой. Вижу, ты тоже еле на ногах держишься. Трудный день.

Домой. Это прозвучало чудовищно. У него был дом. В нём оставалась жена, дети. А Саша... Но может, это - время строить новый дом? Пока нужно успокоиться перевести дух.

- Да, ты права, - он вдруг улыбнулся.

Потом сложил документы в кожаный портфель.

Снял халат, который повесил в шкаф, переоделся и оглянулся на кабинет. Осталось только выключить свет.

Ехали сегодня домой на машине Сергея Андреевича. Он с какой-то радостной обречённостью крутил руль и болтал с Александрой. Стало легче. Полёт с моста, когда упал и последние несколько лет держишься за хрупкие перила. А потом отпустил и летишь. Мужчина в паузу между беседами запустил радио.

- ...скоро прозвучит знаменитая композиция группы "The Rolling Stones" и её величайшего солиста Мига Джаггера. Композиция, если дословно «Кто-нибудь видел мою детку?»...

- Серёж, может, с телефона музыку запустим? - Саша эту знаменитую композицию не слышала, да и само название группы казалось ей скучным. Английским языком она, в отличие от Марины, не владела совсем.

- Давай послушаем эту песню, и потом включим телефон, хорошо? - улыбнулся он, чувствуя себя на каком-то подъёме.

- Давай, - легко согласилась Саша, не став спорить.

Зазвучал Мик Джаггер, барабанный ритм...

...Лику давался легко. Но очень быстро устали руки. Когда гитара замолчала, она остановилась. Полина с Лизой запрыгали, засвистели, музыканты захлопали, Надя и Витя улыбались.

Лишь Макс, молчаливо наблюдал за тем, как Лика быстро повторяла один сложный ритм за другим. То есть, ему казалось, что он сложный. Думал, что жаль, что родители со своими сварами упускают такой момент в жизни. Полина, пока Надежда во все глаза наблюдала за Ликой, тайком чмокнула его в щёку и приобняла. Макс понял, что счастлив. Здесь и сейчас.

Он подошёл к взмыленной сестре, ошалевшей, радостной.

- Лика. Я тобой горжусь, - сказал он.

Девочка сбросила наушники, еле отцепив крепления, кинулась брату на грудь и обняла. В глазах её стояли слёзы радости.

Конец первого акта.

Акт II «Август. Резонанс».
Прелюдия первая.
Диагноз: надежда.

Июль сдал свои позиции. Конец августа, наконец, принёс
изнываю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.